

НИЖЕГОРОДСКАЯ АЛЛЕЯ СЛАВЫ

В сложную пору обретения локальных идентичностей деятели культуры всыскующе вглядываются в страницы местной истории и духовности. Они пытаются усмотреть всероссийские масштабы событий и явлений, «гениев места» — великих политиков, писателей, композиторов, художников и пр., посетивших тот или иной уголок и освятивших его своим визитом или присутствием и тем самым оказавших влияние на будущее.

Нижегородская земля не является исключением... Памятник мирового значения — Лаврентьевская летопись — закончена в 1377 г. в Нижнем Новгороде. Ополчение Минина и Пожарского, внесшее существенный вклад в преодолении Смуты, формировалось в Нижнем Новгороде. Макарьевская ярмарка, ставшая в начале XIX в. Нижегородской, придала городу международный вес, блеск и значение. Ключевые фигуры церковного раскола — Аввакум и Никон (и не только они) — суть от нижегородского корня. И.П. Кулибин и Максим Горький — уроженцы Нижнего Новгорода. Вклад промышленности города Горького в Победу над фашизмом в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и в развитие советского автопрома в послевоенные годы трудно переоценить. Это — это наше, нижегородское.

Но есть в истории Нижнего личности, жизнь которых лишь временно соприкасалась с ним, однако эти эпизоды стали определяющими вехами в его истории. Основатель нашего города — владимирский князь Георгий Всеволодович — остался в истории как один из немногих русских князей, вышедших на смертный бой с монголами и павшим, защищая Русскую землю. Его племянник — Александр Невский — последние дни своей жизни провел на Нижегородской земле. Сподвижник Сергия Радонежского и митрополита Алексия — архиепископ Дионисий — духовно окормлял нижегородцев в эпоху антиордынского подъема. Тогда же Феофан Грек расписывал нижегородские храмы, которым было суждено погибнуть в огне пожарищ. Иван Грозный несколько раз посетил Нижний Новгород, когда вел натиск на Казань и Астрахань. Историк Н.М. Карамзин оказался в Нижнем Новгороде в «минуты роковые» Отечественной войны 1812 г. Пушкин остался в нижегородской истории Болдинской осенью.

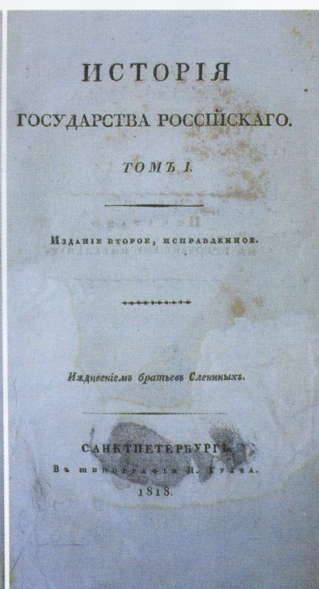
Можно и дальше перечислять имена и события, связанные с Нижегородской землей и оказавшие влияние на ход российской истории. Земля эта дорога нам и в лихую годину и на вершине славы, она — наша, и чувство патриотизма, наверное, выражено в простых словах А.С. Пушкина:

Любовь к родному пепелищу,

Любовь к отеческим гробам.

Николай Михайлович
КАРАМЗИНЪ.

НИЖЕГОРОДСКИЙ КАРАМЗИН

А.А. Кузнецов

«История государства Российского» Николая Михайловича Карамзина (1766–1826) актуальна и читаема до сих пор. Позволю не согласиться с рядом коллег, которые высказывают мысль, что научного значения у труда Карамзина уже не осталось, что он превзойден. Авторская проверка разных версий отдельных событий истории Древней Руси, бытующих в современной историографии, показывает, что «последний летописец» оказался куда более точнее некоторых современных исследователей. Можно и нужно еще долго говорить о достоинствах Карамзина, но рамки статьи не позволяют этого делать. Поэтому вернемся к сюжету «Карамзин и Нижний Новгород». Его нижегородская страница жизни таит еще много загадок для исследователей, как его биография в целом и его творчество.

На фотографиях:

Н.М. Карамзин.
История государства
Российского. 2-е изд.
В 12 т. С.-Петербург,
1818–1829

Источник: http://www.gelos.kiev.ua/2010/05_may/29.05b/bigimages/egbk1_2.jpg

Несомненно, украшением «нижегородской аллеи славы» является Николай Михайлович Карамзин (1766–1826). Николай Карамзин родился в Симбирской губернии. Затем воспитывался дома и в пансионе при Московском университете. В конце XVIII в. Николай Михайлович Карамзин решился на написание русской истории. Сделать шаг в этом направлении было нелегко, он признавался, что ему снился Нестор. В XVIII в. труд «История Российская» был создан В.Н. Татищевым, свой вариант описания прошлого России дал граф М.М. Щербатов. Защищал прошлое Отчизны от невежественных нападок иностранных публицистов от истории И.Н. Болтин. Эти титаны исторической мысли не могли не смущать Карамзина.

И все же он начал... Карамзин понимал, что труды предшественников были достоянием увлеченных умов и мало воздействовали на общество, мало объясняли соотечественникам благодетельность государства. Государство стало для Карамзина организующим историю России каркасом. Поэтому-то его труд и будет назван «История государства Российского». Надо оговорить, что и государство, по мнению Карамзина, имело свои обязательства перед народом. Наиболее ярко это выразилось в следующем противоречии. Свой многотомный труд Карамзин посвятил Александру I. Но еще в 1811 г. государь болезненно отреагировал на идеи, высказанные историком в «Записке о древней и новой России». Критика Александра I через посредство опыта прошлого не устроила императора и его дальнейших родственников на троне. До революционной ломки русское общество так и не получило полноценного доступа к этой «Записке». За советское время власти также не решались представить эту работу в полном виде. И лишь в 1988 г. она была опубликована без всяких оговорок.

Причиной этих и других парадоксов Карамзина было ощущение истории как живой плоти, которая все время будет

*Любовь и дружба – вот чем можно
Себя под солнцем утешать!
Искать блаженства нам не должно,
Но должно – менее страдать;
И кто любил, кто был любимым,
Был другом нежным, другом чтимым,
Тот в мире сем недаром жил,
Недаром землю бременил.*

Н. Карамзин

Послание к Дмитриеву в ответ на его стихи, в которых он жалуется на скоротечность счастливой молодости. 1794

разрушать прокрустово ложе умозрительных схем ученых. Например, К.Ф. Рылеев, казненный по делу декабристов в 1826 г., восклицал по поводу выхода тома «Истории...», посвященному XVI в.: «Ну, Грозный! Ну, Карамзин. Не знаю, чему больше удивляться, тиранству ли Иоанна или дарованию нашего Тацита». Однако выступление декабристов вызвало гнев уже маститого историка.

В основе успеха «Истории государства Российского» была обращенность этого текста к широкому читателю. Она была осознаваема «последним летописцем», который постигал ремесло историка через опыт Ливия, Тацита, Вольтера, Юма, Нестора... К этому прибавилось живое слово Карамзина. К тому времени, когда он стал историком, за ним закрепилась слава стихотворца, издателя «Вестника Европы», автора «Бедной Лизы»... Не всегда вспоминают о том, что Карамзин одним из первых в России занимался переводом и пропагандой произведений Шекспира. Английский драматург чувствовал напряженный нерв истории в столкновении судеб, трагическом разрешении конфликтов. Как кажется, это влияние Шекспира на Карамзина-историка недостаточно еще раскрыто. Кстати, многие из удачных и потрясающих воображение страниц Карамзина его читатели сравнивали с шекспировскими текстами. А трагедию А.С. Пушкина «Борис Годунов» напрямую соотносят с шекспировскими драмами, а ведь вдохновение и сюжет он нашел в историческом труде Н.М. Карамзина.

Историк оказался в Нижнем Новгороде в «минуты роковые», когда армия Наполеона уже обосновалась в Москве. Н.М. Карамзин уезжал из Первопрестольной, в которую вступал враг. Задержка была обусловлена болезнью историографа. Она же помешала ему встать в ряды ополчения.

Н.М. Карамзин находился в Нижнем Новгороде в числе литераторов, архивистов из Москвы. К сожалению, об их быте,

общении мы почти ничего не знаем. Информацию можно получить из карамзинских писем из Нижнего Новгорода. Еще 11 октября 1812 г. он писал: «... граф П.А. Толстой предлагает мне идти с ним и здешним ополчением против французов». Это сообщение связано с мыслью о разграбленной врагом, превращенной в пепелище Москве, о погибшей библиотеке (радует лишь то, что «история цела») — все это внушает надежду увидеть Москву. Поступить в Нижегородское ополчение, созданное по образцу ополчения Минаина и Пожарского, не получилось. Может быть, и хорошо. К началу октября приходящие известия торопили с выходом ополчения, но чуть позже, после ухода Наполеона из Москвы, подготовка ратников в Нижнем Новгороде приобрела более спокойный и размеренный характер. Ополчение из Нижнего Новгорода вышло 19 декабря и проследовало через Муром — Рязань — Орел — Глухов на территорию нынешней Украины, т.е. миновало Москву. Вероятно, эти обстоятельства и сказались на отказе Н.М. Карамзина от ополченческого замысла.

Заложная обстановка в Нижнем Новгороде, куда были эвакуированы многие москвичи и московские учреждения, способствовала настроению растерянности и душевной опустошенности: «Живем день за днем, не зная, что будет с нами. Я... лишен способов заниматься, и едва ли когда-нибудь могу возвратиться к своим прежним, мирным упражнениям... На сей раз имею хороший домик: здешний помещик... Степан Алексеевич Львов, уступил мне свой» (письмо Н.М. Карамзина от 28 октября 1812 г.).

Дом С.А. Львова, как показывают исследования А.И. Давыдова, находился на том месте, где потом был построен в 1916г. Крестьянский поземельный банк (ныне в этом здании, на пересечении улиц Ульянова и Пискунова, размещается Дом творчества юных им. В.П. Чкалова). До этого времени Карамзин жил в доме И.А. Аверкиева, дом не сохранился: на этом месте можно увидеть другое здание на улице Пискунова, 2, построенное в 1890-е гг. Примечательно то, что, если учесть малоэтажность Нижнего Новгорода в 1812 г., взгляд Н.М. Карамзина из любого места, где он проживал, падал на кремль, построенный в начале XVI в.

К середине ноября 1812 г. настроение Н.М. Карамзина изменилось, это видно из письма П.А. Вяземскому: «Думаю приняться за свое дело, раскладываю бумаги и книги, однако успех сомнителен: не имею и половины нужных материалов». На душевной перемене сказалось, видимо, обустройство в доме Львова. Но все же семейные тяготы сказывались. В декабре Н.М. Карамзин писал: «Я был нездоров, и малютки наши тоже». Из четырех детей Николая Михайловича, приехавших в Нижний, двое остались здесь навсегда: «Мы погребли милого ангела, Андрюшу, более десяти недель страдав беспокойством и тоскою. Наша горесть велика. И мы жалки сами себе. Было у нас двое детей прекрасных, здоровых и милых: обоих схоронили» (из письма 20 мая 1813 г.).

Болезнь детей держала Карамзина в Нижнем Новгороде. Затянувшееся пребывание в городе обернулось крупным научным откры-

тием, масштабы которого в полной мере предстали перед историками двести лет спустя.

Речь идет о Латухинской Степенной книге. Ее Н.М. Карамзин получил в подарок от балахнинского купца Латухина. Она была создана в 1678 г. Тихоном Макарьевским и охватывала русскую историю от Рюрика до царя Федора Алексеевича. В дальнейшем Н.М. Карамзин использовал ее в своем знаменитом труде. В наиболее полном виде Латухинская Степенная книга дошла в Нижегородском списке, хранящемся ныне в Нижегородской государственной областной универсальной библиотеке. Именно этот список лег в основу научной публикации памятника, впервые осуществленной в 2012 г. (Латухинская Степенная книга. 1676 год. М., 2012).

В 2013 г. в Нижнем Новгороде вышли записки Эрика Густава Эрстрёма о его пребывании в Нижнем Новгороде в 1812–1813 гг. В качестве приложения нижегородским архивистом Я.М. Хорошкиным было опубликовано письмо Н.М. Карамзина балахнинскому купцу Н.Я. Латухину от 14 января 1813 г. Приведем его в сокращении: «Хотя и не имею чести знать Вас лично, но уверен, что Вы для общей пользы исполните мою просьбу. Прилагаю письмо от Вашего батюшки, который обещал доставить находящийся у Вас Новгородский Летописец, писанный отчасти на пергаменте и весьма для меня любопытный: ибо мне, как Вам может быть известно, Государь Император поручил сочинение Российской истории. Крайне меня обяжете, если на первой же почте отправите ко мне эту рукопись в Нижний Новгород, на мое имя, в дом Степана Алексеевича Львова, а я вручу здесь Вашему батюшке, чего будет стоить пересылка, навсегда останусь Вам благодарным и при всяком случае постараюсь изъяслять Вам мою искреннюю признательность».

Постижение историко-культурного явления «Карамзин и Нижний Новгород в 1812 г.» осложнено тем, что до недавнего времени не было четкого представления об облике Нижнего Новгорода, о городской повседневности в «грозу двенадцатого года». Дефицит источников совсем недавно был частично преодолен публикацией выше упомянутых путевых записок студента Московского университета, шведа по языку и культуре, уроженца Финляндии — Эрстрёма. Ему было суждено стать основателем финской русистики и славистики, чьи учебники по русскому языку переиздавались в Финляндии до конца XIX в. Как следует из его записок, Эрстрём внимательно вслушивался в разговорную речь нижегородцев, читал нижегородские летописи XVII в. и обильно цитировал вирши Н.М. Карамзина. В определенном смысле, в творчестве Карамзина Эрстрём обрел один из образчиков русского языка, который постигал из общения с нижегородцами. Записи Эрстрёма, который не встретился с Карамзиным в маленьком Нижнем Новгороде в 1812–1813 гг., позволяют увидеть наш город в лицах и обычаях, пересечениях исконной нижегородской и эвакуированной московской бытовой реалиях, почувствовать атмосферу, в которой оказался Н.М. Карамзин волею Судьбы и Истории.

